

На правах рукописи

Боченков Виктор Вячеславович

Творчество П.И. Мельникова-Печерского
и изображение старообрядчества в русской литературе XIX века

10.01.01. Русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2005

Работа выполнена на кафедре русской классической литературы и славистики Литературного института им. А.М. Горького.

Научный руководитель:

доктор филологических наук профессор
Минералов Юрий Иванович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Газизова Амина Абдуллаевна

кандидат филологических наук, доцент
Завгородняя Галина Юрьевна

Ведущая организация: Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина

Защита состоится «16» марта 2005 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.109.01 в Литературном институте им. А.М. Горького по адресу: 123104, Москва, Тверской бульвар, 25, ауд. 23

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Литературного института им. А. М. Горького.

Автореферат разослан «10» февраля 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Стояновский М.Ю.

2005-4
48404

968461

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

П.И. Мельников остается малоизученным писателем в силу разных причин. Одна из них - отсутствие критики, которая оценила бы его по достоинству (а не только как писателя-этнографа) и способствовала популярности произведений. На это обстоятельство указывал в начале XX века высоко оценивавший писателя А.А. Измайлов: «Его романы появились уже тогда, когда русская критика оскудела. Большинство критиков не рассмотрело ничего дальше внешних форм и внешних фактов мельниковского рассказа»¹.

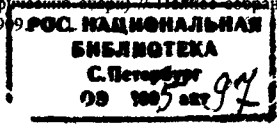
Цель исследования состоит в анализе эволюции художественных характеров в произведениях Мельникова, начиная с его рассказов рубежа 1850–60 годов («Полярков», «Гриша») и заканчивая романами «В лесах» и «На горах». В соответствии с обозначенной целью определены следующие основные задачи исследования:

1. Раскрыть мировоззренческие основы художественного изображения П.И. Мельниковым старообрядчества, создания литературных характеров, объяснить их своеобразие. Еще академик П.Н. Сакулин отметил, что мировоззрение писателя непосредственно отражается на создании художественного образа: «Мировоззрение понимается как поэтическая концепция жизни и мира. Оно проникает собою все художественное творчество поэта и школы...»²
2. Соотнести особенности авторского подхода к изображению старообрядчества с творческими установками других писателей 1860–70-х годов, затрагивавших старообрядческую проблематику.
3. Проследить влияние противостарообрядческой публицистики других авторов на создание тех или иных персонажей П.И. Мельниковым.
4. Выявить основные художественные приемы создания П.И. Мельниковым образов старообрядцев в рассказах и в романах, а также литературные источники, использовавшиеся писателем и ранее не отмеченные литературоведами.

АКТУАЛЬНОСТЬ работы обусловлена слабой изученностью перечисленных аспектов творчества П.И. Мельникова.

МАТЕРИАЛОМ ИССЛЕДОВАНИЯ послужили рассказы писателя, затрагивающие старообрядческую проблематику («Полярков», «Гриша»), «Очерки поповщины», диалогия «В лесах» и «На горах». В целях сопоставления привлечены произведения И.И. Лажечникова, М.Н. Загоскина, О. Забытого, Ф.В. Ливанова и др.

¹ Измайлов А.А. П.И. Мельников-Печерский (критико-биографический очерк) // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского): В 7 т. 2-е изд. - СПб., 1999.
² Сакулин П.Н. Филология и культурология - М., 1990 - С. 141

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ базой диссертации служат труды российских литературоведов, в частности, А.А. Потемни, М.М. Бахтина, А.Ф. Лосева, А.Н. Веселовского, Ю.И. Минералова и др.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ исследования. Материалы диссертации могут быть использованы в вузовских базовых лекционных курсах, спецкурсах и спецсеминарах.

Диссертация состоит из трех глав, имеет введение и заключение. Общий объем диссертации составляет 179 с., включая библиографию.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении излагается история литературно-критического изучения творчества П.И. Мельникова-Печерского с XIX века по современные дни, дана характеристика наиболее заметных критических и научных работ. Обоснована актуальность темы, ставятся цели и задачи исследования, устанавливается научная новизна, характеризуется структура работы. Кратко излагается основное содержание глав диссертации, дается обзор литературоведческих работ о П.И. Мельникове.

Отзывы критиков о П.И. Мельникове при его жизни в целом не содержали достаточно глубокого анализа его творчества. О П.И. Мельникове писали О.Ф. Миллер, А.П. Милуков, А.Н. Пыпин, С.А. Венгеров, А.М. Скабичевский, историк и друг писателя Д.И. Иловайский. Подводя итог критическим отзывам, появившимся в печати в течение 25 лет, истекших после смерти писателя, критик Н.А. Саввин констатировал: «По странной иронии судьбы Мельников до сих пор не дождался подробного – обстоятельного – если не изучения, то разбора как писатель-беллетрист. Никто из критиков и историков литературы не дал полного освещения литературной физиономии писателя, не выяснил значения его художественных образов, не поставил его в общую связь с предшествующим литературным развитием, не указал основных приемов творчества; в большинстве случаев дело ограничивается самою общою, самою сжатою характеристикю талантливого писателя»³.

Наиболее полной дореволюционной работой о П.И. Мельникове стала книга П.С. Усова, открывавшая собрание сочинений писателя, издававшаяся в

³ Саввин Н.А. П.И. Мельников в оценке литературной критики // Сборник в память П.И. Мельникова (Андрея Печерского). - Нижний Новгород, 1910. Ч.1 - С. 296

1897–1898 годах М.О. Вольфом⁴ Она в основном носит биографический характер. В ней были впервые опубликованы многие документы, связанные с деятельностью П.И. Мельникова в Министерстве внутренних дел, с его жизнью и творчеством.

На сегодняшний день наиболее изученной стороной творчества П.И. Мельникова остается фольклорно-этнографический аспект. Тема использования писателем фольклорных средств имеет обширную библиографию. Впрочем, в книге В.Ф. Соколовой «П.И. Мельников-Печерский. Очерк жизни и творчества» проанализированы источники, послужившие основой для ряда сюжетных линий дилогии «В лесах» и «На горах», выявлены и обобщены сведения о прототипах героев, даны литературоведческие характеристики основных персонажей, имеется экскурс в творческую лабораторию писателя. Исследователи обращали внимание на художественные связи писателя с «предшествующим литературным развитием» (диссертации П.И. Лещенко «Ранний период творчества П.И. Мельникова-Печерского (истоки и взаимосвязи)», 1971 г., Л.М. Рудневой «П.И. Мельников-Печерский в 1830–60-е годы. (Вопросы биографии и творчества)», 1996 г.), на особенности создания им художественного портрета (диссертация И.В. Кудряшова «Дилогия П.И. Мельникова-Печерского “В лесах” и “На горах” (поэтика портрета)», 2000 г.), на жанровую специфику романов (диссертация Э.Т. Какильбаевой «Дилогия П.И. Мельникова-Печерского “В лесах” и “На горах” (Система образов и особенности жанра)», 1990 г.). Специфика художественного изображения старообрядчества остается пока не вскрытой.

Первая глава – «Становление взглядов П.И. Мельникова на старообрядчество и их отражение в рассказах». В первом параграфе этой главы («Старообрядческая специфика и художественный анализ произведений П.И. Мельникова») отмечено, что художественная проза П.И. Мельникова обратила на себя внимание современников своим уникальным проникновением в обрядно-религиозную и бытовую жизнь русских старообрядцев. Это заставляет внимательно всмотреться в относящуюся сюда культурно-историческую проблематику, прежде чем перейти непосредственно к текстам произведений писателя. Мы сознательно углубляемся в эту проблематику, так как П.И. Мельников сумел создать в дилогии «В лесах» и «На горах» особый художественный образ старообрядчества; все религиозно-бытовые, этнографические реалии были переплавлены им в художественное качество. И чтобы этот образ подвергнуть анализу, чтобы реализовать поставленную цель – анализ художественного построения мира писателя, художественного мастерства и индивидуального сти-

⁴ Усов П.С. П.И. Мельников, его жизнь и литературная деятельность // Мельников П.И. Полное собрание сочинений: В 7 т. - СПб. - М., - 1897 - Т.1. - 324 с

ля, необходимо всмотреться в аспекты, давшие материал для создания образа старообрядчества в рассказах, затем в романах. Игнорирование особенностей старообрядческого аспекта произведений писателя ведет литературоведа к ряду неточностей.

Во втором параграфе («Принципы противостарообрядческой публицистики, сформировавшиеся до П.И. Мельникова») показаны основные этапы развития противостарообрядческой публицистики. Рассмотрены основные принципы изображения старообрядчества. Одним из первых литераторов, стоявших у истоков противостарообрядческой публицистики, был Симеон Полоцкий, автор книги «Жезл сей мысленный правления, утверждения, наказания и казнения» (принято более короткое название - «Жезл правления»). Традиции «Жезла...» были продолжены епископом Дмитрием Ростовским («Розыск о раскольнической брынской вере...»), архиепископом Афанасием Холмогорским («Увет духовный»), протоиереем А.И. Журавлевым («Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях») и др. На книгу А.И. Журавлева опирались И.И. Лажечников («Последний Новик»), М.Н. Загоскин («Брынский лес»).

Поскольку противостарообрядческая публицистика призвана была выполнять определенный государственный заказ, то в качестве основных ее тем выделялось, в частности, обоснование антигосударственной деятельности старообрядцев. Полемисты указывают на Соловецкое восстание, Хованщину, крестьянские войны под предводительством Разина и Пугачева, в которых принимали участие староверы или выдвигались лозунги восстановления дониконовского церковного обряда. Все это служило якобы подтверждением противоположных настроений в старообрядчестве. Соответствующие ориентировки получала и художественная литература о старообрядцах. Не случайно, например, даже в конце XIX века Д.Л. Мордовцев в повести «За чьи грехи?» сводит вместе в одной из глав Степана Разина и протопопа Аввакума. Первый олицетворяет вооруженное бунтарство, второй - бунтарство духовное, сопротивление без оружия. В исторических документах нет сведений о том, что такая встреча реально имела место. Публицистика, формировавшая образ старообрядчества, пыталась доказать также, что старообрядчество держится на упрямом невежестве и безграмотности, что в старообрядчестве отсутствует положительный идеал. Именно в публицистике стало нормой, перешедшей затем и в художественную литературу, акцентирование отрицательно окрашенных качеств при изображении характера старообрядцев. В публицистике возник и был воспринят художественной литературой такой прием сатирического заострения, как использование комических, анекдотических ситуаций.

Все указанные черты и особенности старообрядчества показаны в художественной и публицистической литературе XVIII и XIX веков (Феофан Прокопович, А.Д. Кантемир, Ф.Н. Слепушкин, А.Н. Муравьев, И.И. Лажечников, М.Н. Загоскин, Ф.В. Ливанов, рассказы П.И. Мельникова-Печерского).

В третьем параграфе («Литературно-художественное осмысление старообрядчества до П.И. Мельникова») продолжается анализ воплощения и влияния публицистических принципов изображения старообрядчества на художественную литературу XVIII - первой половины XIX века, на типизацию и художественное воплощение образа литературного героя. В параграфе дан анализ изображения старообрядцев в романах И.И. Лажечникова «Последний Новик» и М.Н. Загоскина «Брынский лес». Старообрядчество продолжает оставаться закрытым миром для литературы, несмотря на эпоху романтизма – при всем ее внимании к национальному, к народному, и, по сути, для натуральной школы – с ее вниманием к бытовой конкретике, человеческим типам, этнографизму. Отмечено, что, если в художественную задачу писателя не входило сатирическое изображение старообрядчества, он соответственно не прибегал к устоявшимся публицистическим канонам. Старообрядчество предстало уже как совершенно неизученное, таинственное явление (В.А. Соллогуб, повесть «Тарантас»). С другой стороны, внимание к народному быту и усиление реалистических тенденций провоцировали литературное осмысление старообрядчества в контексте его настоящей, повседневной жизни, а не с опорой на тенденциозную литературу.

Четвертый параграф («Формирование взглядов П.И. Мельникова на старообрядчество») посвящен анализу первых самостоятельных оценок староверия писателем. Материалом послужили некоторые его незавершенные и неопубликованные статьи, оставшиеся в черновиках («Первые ереси и раскольники»), письма А.А. Краевскому. Отмечено, что ранние суждения П.И. Мельникова о старообрядчестве скупы и не выходят за пределы господствовавших шаблонов. Более глубокое изучение и осмысление феномена старообрядчества начинается во время работы над отчетом «О состоянии раскола в Нижегородской губернии» (1853–54 гг.).

Вторая глава – «Особенности изображения старообрядчества в творчестве П.И. Мельникова (до дилогии «В лесах» и «На горах»)». Здесь анализируются рассказы «Полярков» (1859), «Гриша» (1861), «Очерки поповщины» (1864), творчество менее известных писателей – Ф.В. Ливанова, А.В. Иванова, О. Забытого и других.

В первом параграфе рассмотрены особенности интерпретации поведения героев рассказа П.И. Мельникова «Гриша». Второй параграф («Праведники и грешники» в «Грише») конкретизирует некоторые нюансы и особенности

изображения старообрядцев. Показано, что и авторская оценка, и отбор характеризующих персонажа свойств, заострение тех или иных его качеств определялись П.И. Мельниковым под воздействием уже сложившихся в противостарообрядческой публицистике и общественном сознании стереотипов. Писатель акцентирует отрицательно окрашенные качества героев (фанатизм, слепой аскетизм с презрением простых и добрых человеческих радостей, неспособность совершать добрые поступки, двуличие, глупость).

В рассказах П.И. Мельникова «Гриша» и «Поярково» не находят отражения его широкое знание старообрядческого быта, какое показал он в «Отчете о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии». Между тем некоторые зарисовки из «Отчета...» могли вполне послужить основой для очерков в духе натуральной школы, могли использоваться в рассказах. Однако, работая над «Гришей» и «Поярковым», П.И. Мельников оставил в стороне этот богатейший этнографический материал.

Для рассказов П.И. Мельникова о старообрядцах («Гриша», «Поярково») характерно, в частности:

- отсутствие бытописания, пристрастие к которому проявилось в «Отчете...»;
- наличие карикатурного элемента (пьяные старцы в «Грише», некоторые персонажи в «Поярково»);
- искусственность ситуаций и характеров, обусловленная стремлением к карикатурности, к изображению негативного как типического;
- внимание к крайним проявлениям, отнюдь не характеризующим все старообрядчество.

В третьем параграфе («Литературные источники образов рассказа «Гриша»») указаны источники, на которые опирался писатель, работая над рассказом. Это «Виноград российский» Семена Денисова, труд историка А.П. Щапова «Русский раскол старообрядства...», изданный в 1859 году, полемическая книга архиепископа Казанского Григория «Истинно древняя и истинно православная Христова Церковь, изложение в отношении к глаголемому старообрядчеству». Наличие параллелей с целым рядом книжных источников свидетельствует о намерении писателя ориентироваться на уже сложившиеся образцы при создании художественного характера.

Сатирические аспекты рассказов П.И. Мельникова рассмотрены в четвертом параграфе («Иллюзия достоверности как принцип противостарообрядческой сатиры П.И. Мельникова») и в пятом параграфе («П.И. Мельников и Ф.В. Ливанов - два сатирика старообрядчества»).

В противостарообрядческих рассказах П.И. Мельникова и других современных ему авторов (Ф.В. Ливанов; Н. Попов и его «Сборник из истории ста-

рообрядчества»; В. Попов, «Тайны раскольников, старообрядцев, скопцов и других сектаторов») сатирическая деформация создается с помощью резкого окаррикуатуривания, использования ряда сатирических оппозиций, негативных авторских характеристик, шаржирования и других приемов. Борьба со старообрядчеством силой смеха потребовала обращения к комическому, на котором строится такой жанр, как анекдот, также используемый в противостарообрядческой сатире. Гипербола, гротеск, фантастика не использовались писателями.

В пятом параграфе проводится сравнительный анализ произведений П.И. Мельникова и Ф.В. Ливанова. Оба писателя прибегали к такому приему, как включение анекдота в рассказ. Ф.В. Ливанов предпочитает использовать целые анекдотичные истории (например, в рассказах «Пророчица раскольника Устинья Никифоровна», «Русанов - беглый раскольник архиерей» и др.). П.И. Мельников включил в рассказ «Поярков» целую серию анекдотов.

Общее в художественной концепции характеров старообрядцев у П.И. Мельникова и Ф.В. Ливанова раскрыто в диссертации на примере ряда сатирических противопоставлений обоих писателей. Таковы, в частности:

- требования веры к образу жизни – действительный образ жизни, не соответствующий этим требованиям;
- вера – связь с уголовным преступлением и преступной деятельностью;
- грамотность как идеал – невежество и фанатизм как идеалы.

В параграфе рассмотрены также особенности сатирической поэтики обоих писателей (портретное окаррикуатуривание, ирония, использование оскорбительных речевых клише, стремление к житейской и бытовой достоверности, отказ от использования гротеска, фантастики). Архаические обороты речи как символ отжившего, мертвого используются обоими авторами в речевых характеристиках героев. Отмечено, что главная неудача Ф.В. Ливанова и причина его писательской несостоятельности в том, что он оказался неспособен создать убедительный и полный старообрядческий характер, пусть и отрицательный. «Разоблачать деятельность коноводов раскольниковых, особливо современных и ныне действующих, есть самое благотворное дело». Эта авторская сентенция из очерка «Пропагандист мясницкий» была его творческим кредо и общественной позицией. Для ее воплощения требовались публицистические приемы, влияющие на стиль и жанровую специфику произведений. Эта задача «разоблачать» привела к доминированию в творчестве Ф.В. Ливанова публицистики и памфлетности, в то время как черты памфлета в рассказах П.И. Мельникова отсутствуют, авторские характеристики не страдают публицистической прямолинейностью. Публицистичность проявляется в «Очерках поповщины», где она уместна. Ф.В. Ливанов более тяготеет к смешению жанров. «Проклятый раскольник сын» – синтез памфлета и очерка. Рассказ «Пророчица раскольника

Устинья Никифоровна» начинается как путевой очерк, содержит включения подлинных исторических документов, что свойственно для очерка той поры. Заканчивается рассказ по-публицистически эмоциональными авторскими рассуждениями о религиозной и гражданской свободе, просвещении, которые впоследствии, как и вообще книги Ливанова, стали объектом многих критических отзывов.

П.И. Мельников, опираясь на одни и те же с Ф.В. Ливановым сатирические противопоставления, избежал в своих рассказах декларативности, памфлетности, публицистичности. Более того, к моменту создания дилогии в его творчестве наметилась совершенно особая художественная методология, не связанная с доминированием сатиры, обусловленная ориентацией писателя на этнографизм и фольклор.

Шестой параграф диссертации – «Роль трагического и мотив “кающегося грешника” в произведениях, обличающих старообрядчество». Не только комическое, но и трагическое способно усилить отрицательное отношение читателя к персонажу – объекту сатиры. В произведениях о старообрядчестве трагическое и комическое часто представляют собой тесное и сложное переплетение.

Трагический конфликт показывает, что в старообрядчестве невозможен положительный идеал, а если он есть, то обречен (смерть купчихи Гусятниковой в «Грише»). Эта идея нюансируется с помощью сатирических приемов, призванных рельефнее показать отрицательную сущность героев. Трагический итог выступает в качестве логического, закономерного финала противоборствующих нравственного и безнравственного начал. Причем безнравственное олицетворяется именно старообрядчеством.

В произведениях, изобличавших старообрядчество, возник особый мотив, который мы условно определяем как «мотив кающегося грешника». Он состоит в том, что герой, строго придерживаясь старообрядчества и пройдя через различные житейские испытания, убеждается в неправоте своей религиозной доктрины, раскаивается и присоединяется к господствующему вероисповеданию. Отрицая с помощью введения трагического конфликта нормы старообрядческой этики и мировоззрения, писатель пытался показать, что, какой бы глубины ни достигло падение героя, оно не исключает возможности очищения. Герой-старообрядец, совершивший преступление (зачастую тяжкое, связанное с пролитием крови) или поступок, ставший причиной чьей-то смерти, приводился к покаянию. Покаяние и отречение от старообрядчества возвышало такого героя, однако выглядело искусственным. Мотив «кающегося грешника» прослеживается в произведениях И.И. Лажечникова («Последний Новик»), А.В. Иванова («Самосгоратели»), Ф.В. Ливанова (рассказ «Раскольниковья дочка»). Мотив кающегося грешника в рассказах П.И. Мельникова не звучит. Очевидно, писа-

тель осознал, что для его введения требуется предельно точная художественная и психологическая достоверность, иначе не избежать искусственности, которая имела место в перечисленных выше произведениях.

Элементы трагического и комического как средство обличения старообрядчества в литературных произведениях находятся в тесном переплетении. Дабы достичь художественной цели, писатели стремились использовать и то, и другое. Однако одна из главных особенностей создания образа старообрядца состояла в способе типизации и заострении отрицательных черт характера (мировоззрения). Сильной стороной такого приема была возможность предельно конкретно выразить отношение к изображаемому характеру. Недостатком – невозможность создать многогранный, объемный образ.

Седьмой параграф второй главы посвящен историко-публицистической работе «Очерки поповщины» и принципам изображения старообрядческого священства в них (имеется в виду создание художественных характеров лиц, над которыми совершалась хиротония – епископы, священники, диаконы – и которые становились духовными лидерами в старообрядческой среде). В параграфе выделены наиболее характерные приемы изображения старообрядческого священства в «Очерках»: сатирическая заостренность ряда образов и акцентирование отрицательно окрашенных характеристик (подобный подход напрямую восходит к исканиям и принципам противостарообрядческой публицистики XVIII - XIX веков), опора на непроверенные слухи при отборе материала, вуалирование социальных причин, толкающих священников к «побегу в раскол», отсутствие «живого голоса» самих старообрядцев, своего рода «монофоничность» «Очерков...». П.И. Мельников всегда говорит за старообрядцев, вместо них, не давая им права высказать свою точку зрения, свое мнение, свою позицию, свой взгляд, свою правду по тому или иному вопросу. Методологические особенности изображения старообрядческого священства видны при сопоставлении их с произведениями писателей-народников (О. Забытый (Г.И. Недетовский) и его рассказ «Не угодил!», Н. Александров, роман «Пропал!»).

В восьмом параграфе («П.И. Мельников и ослабление противостарообрядческих тенденций в литературе середины XIX века») констатируется появление целого ряда художественных произведений, авторы которых отказываются от принципов сатирической поэтики при изображении старообрядчества

Третья глава диссертации («Старообрядческое купечество в дилогии “В лесах” и “На горах”») посвящена соответственно романам П.И. Мельникова-Печерского и особенностям изображения купечества, так как подавляющее большинство героев дилогии принадлежит именно к этой социальной группе.

В первом параграфе («Образ старообрядчества и стилевые особенности дилогии») оговаривается, что исследование опирается на определение термина

«художественный стиль», данное А.Ф. Лосевым. Оговаривается задача, которую поставил себе П.И. Мельников, приступая к работе над дилогией: «...изобразить быт великороссов в местностях при разных развитиях, при разных условиях общественного строя жизни, при разных верованиях и на разных ступенях образования». В параграфе и далее в главе показано, что для того, чтобы ее выполнить, писатель был вынужден искать особый стиль, способный отобразить и воссоздать совсем другой, особый образ старообрядчества, который не мог быть реализован в художественном слове при помощи уже сложившейся сатирической поэтики изображения старообрядцев. Для воплощения своих идей П.И. Мельникову потребовалась иная поэтика, особая система изобразительных средств, позволяющие адекватно воплотить в художественных образах культуру, ценностные ориентиры (в том числе и авторские), религиозно-бытовой уклад всех социальных слоев, представленных в дилогии, и главным образом старообрядческого купечества. Художественное воплощение образа старообрядческого Поволжья требовало от произведения иных стилевых доминант, иных подходов к системе персонажей дилогии, особых приемов создания отдельных героев.

Организующими принципами и стилевыми доминантами дилогии стали описательность и жизнеподобие, позволяющие наиболее полно воплотить в художественных образах поставленную писателем задачу. Отличительная особенность принципа жизнеподобия в дилогии состоит в том, что здесь он в отличие от рассказов («Поярков», «Гриша»), не служит сатирическим задачам или для дискредитации конкретных лиц, как в «Очерках поповщины». Описательность в дилогии предполагает не только детально точное художественное воспроизведение особенностей скитской и купеческой жизни, этнографических особенностей старообрядцев Поволжья, регионального колорита, она, безусловно, оказывает заметное влияние на приемы создания особых человеческих характеров. Описательность и жизнеподобие диктуют особое использование народной лексики, диалектизмов, областничества. Описательность как стилевая доминанта подчиняет себе и композицию дилогии, что проявляется, в частности, в особенностях сюжетостроения.

Чтобы создать убедительный художественный образ старообрядчества с его народным веропониманием, П.И. Мельников отсылает читателя к культуре той среды, откуда вышел герой. Силевые доминанты дилогии работают на то, чтобы создать и воплотить своеобразный, неповторимый образ старообрядчества в его неразрывной связи с народным миропредставлением, образ целого старообрядческого Поволжья с его культурой, экономикой и прочими особенностями. Старообрядчество представлено разнохарактерными героями, оно показано многогранно и не схематично. Система персонажей дилогии выстроена

также исходя из принципа описательности. Персонаж важен П.И. Мельникову не как участник сюжетного действия, а скорее как средство для раскрытия художественного содержания, для воссоздания и раскрытия не только индивидуального характера, но более широкого, значительного образа, единого в своем разнообразии - образа народа, нации, населения Поволжья.

Второй параграф посвящен анализу авторского подхода к созданию образа положительного героя в дилогии.

В качестве основных подходов писателя к художественному изображению главных действующих лиц (старообрядцев) можно выделить совмещение противоречий, многогранность характера, демонстрацию неприятия церковно-иерархической системы современного старообрядчества, тесную связь героя и культурной среды. Теперь от образа-схемы писатель переходит к образу-характеру. В дилогии появляется положительный герой-старообрядец. Однако существенной особенностью его изображения является либо декларирование героем разрыва со старообрядческой средой, либо постоянная ее критика.

Тем не менее впервые в русской литературе образ героя-старообрядца был показан на широком культурном фоне, с которым этот герой кровно связан и который нюансирует какие-либо особенности персонажа.

Двойственность некоторых характеров обусловлена неоднозначным отношением писателя к старообрядчеству. Художественная концепция П.И. Мельникова заключалась в том, чтобы воссоздать образ поволжского старообрядчества во всем многообразии человеческих типов, а также и в том, чтобы показать его обреченность, необходимость воссоединения с «великороссийской церковью» (так называют ее герои дилогии) и способность в этом случае положительно повлиять на общество. П.И. Мельников не просто открыл и показал положительный характер в старообрядческой среде - он показал его как идеал национальный, погруженный в религиозно-бытовую атмосферу старообрядчества, с нею сроднившийся. Таким идеалом в первую очередь писатель мыслил Патапа Чапурина и Манефу. Их противопоставление было бы неверным. Олицетворяя мирское и духовное, Чапурин и Манефа в то же время прообразуют собой их единство: они кровные брат и сестра. Они – разные стороны одной медали.

Двойственность героя в дилогии бывает разного рода. Если в характере Патапа Чапурина уживаются ироническая насмешливость над старообрядчеством и неразрывная принадлежность к нему, то в характере Якима Стуколова аскетическая религиозность сочетается с преступной деятельностью, не вступая в противоречие. Религиозность и способность обмануть, ведя торговые дела, – черты Марко Данилыча Смолокурова. Тот же Василий Борисыч, с одной сторо-

ны, предстает как «великий начетчик», который «старинные книги как свои пять пальцев знал», с другой - как заурядный ловелас.

Сочетание противоположностей не находит у П.И. Мельникова психологического осмысления, не показано оно писателем посредством внутренних монологов или иными художественными приемами. Психологизм не является стилевой доминантой дилогии, хотя те ее страницы, где автор говорит о душевных переживаниях героев, их настроениях, убеждают в тонком мастерстве психологического анализа. В целом же герои дилогии мало склонны к самооценке, к самоанализу. Психологизм как стилевая доминанта потребовал бы от автора иного построения сюжета, композиции, обращения к особым приемам изображения персонажей, их эмоций, изыятия из повествования статистических моментов и подробной детализации, потребовал бы иных законов организации вещного мира дилогии, работающих на отражение внутреннего мира героев. Психологизм в отличие от описательности как стилевой доминанты не позволил бы решить поставленную П.И. Мельниковым задачу «изобразить быт великороссов...». На наш взгляд, в этом также заключается одна из причин, заставляющих писателя оставить в стороне объяснение механизма сочетания разных противоположностей в характерах героев.

Положительного героя П.И. Мельникова отличает патриархальность. Вместе с тем изображение поведения положительных героев определяется принципом создания «раздвоенного» характера. П.И. Мельников сопереживает такому герою-старобрядцу, который, являясь носителем старого и стойкого русского мироощущения, может порвать со старобрядческой средой (Чубалов, Дуня Смолокурова, совершающая венчание в единоверческой церкви) или не ощущает себя целиком и полностью принадлежащем этой среде. По крайней мере он должен противостоять мертвой религиозной догме, быть открытым для чувства (Фленушка).

В третьем параграфе (««Русский хозяин» в системе персонажей дилогии “В лесах” и “На горах”») анализируются образы купцов, объединенные в особый тип – «русские хозяева» (использовано определение старобрядческого публициста В.П. Рябушинского). «Хозяев» характеризует патриархальный уклад, особенное домостроевское мировосприятие, жидущееся на осознании своей ответственности перед Богом за богатство, особое отношение к предпринимательству, семейному быту, религии. Образы изуверов, подобных Грише из одноименно рассказа, отходят в дилогии на второй план. Изуверство показано одной из отличительных черт хлыстовства, а не старобрядчества («На горах»). Выбор купечества как основной социальной группы, к которой принадлежат главные герои дилогии, носил для писателя принципиальный характер. Решение проблемы развития России было связано для него именно с русским купе-

чеством, не утратившим национальных корней. Одной из художественных заслуг П.И. Мельникова является то, что он ввел в литературу совершенно оригинальных героев – купцов-старообрядцев Поволжья, создав особый художественный образ поволжского старообрядчества. В параграфе подвергнуты критике анализ системы персонажей романов П.И. Мельникова и попытка их классифицировать, предпринятые литературоведом Л.М. Багрецовым в работе «Раскольничьи типы в беллетристических произведениях П.И. Мельникова-Печерского» (1904 г.).

Четвертый параграф носит название «Другие типы старообрядцев в диалогии». Здесь рассмотрены особенности и функции образов тех героев, которые не относятся к группе «хозяев». Это Стуколов, Алексей Лохматый, купцы Снежковы, Василий Борисыч. Отмечен и проанализирован факт использования писателем противостарообрядческой публицистики при создании образа Василия Борисыча (анонимная статья «Как мы ездили за миром в Белую Криницу», опубликованная в № 3 «Русского вестника» за 1864 год).

В заключении подводятся итоги исследования.

Творческие принципы писателя при создании художественного образа старообрядчества и старообрядцев претерпевали эволюцию. Так, на рубеже 1850–1860-х гг. данные образы олицетворяют «недостатки русского народа», подлежащие искоренению. Положительный герой-старообрядец только в диалогии стал объектом художественного изображения. Проанализированный в диссертации этнопсихологический образ русских, обрисованный писателем в «Отчете о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» (во многом наивный), был, однако, «переплавлен» П.И. Мельниковым в художественное качество при работе над рассказами «Поярков» и «Гриша».

Идейные подходы к изображению старообрядчества у писателя взаимодействовали с уже вошедшими в литературу из публицистики подходами, закрепившимися, например, в творчестве И.И. Лажечникова, М.Н. Загоскина. Отсутствие бытописания, наличие карикатурных элементов, анекдотичных вставок, искусственность ситуаций и характеров, обусловленная стремлением к изображению негативного в старообрядчестве как типического, – отличительные черты рассказов П.И. Мельникова.

Составить полную классификацию персонажей диалогии П.И. Мельникова «В лесах» и «На горах» весьма проблематично в силу немалого их числа и сложности в определении критериев. Имевшие место попытки, ставившие во главу угла степень искренности и преданности героев старообрядчеству (например, попытка Л.М. Багрецова), неубедительны. Однако в своих романах П.И. Мельников воссоздал особый тип литературного героя, который по ряду критериев может быть условно определен как «русский хозяин» (выражение

В.П. Рябушинского) и выделен в качестве особой группы в общей системе персонажей.

В дилогии «В лесах» и «На горах» писатель сумел отойти от устоявшихся шаблонов изображения старообрядчества, которым следовал некогда и сам. Его герои предстают здесь как целостные, убедительные характеры, а не схемы П.И. Мельников показал своих героев в неразрывной связи с той культурной средой, к которой они принадлежат, и при этом усмотрел и обрисовал в старообрядческой среде национальный положительный идеал.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. *Боченков В.В.* «Очерки поповщины» П.И. Мельникова-Печерского как произведение публицистики и изображение старообрядческого священства в них – В кн. Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы VI научно-практической конференции. – М., 2002. – С. 365 – 372. (0,5 п.л.).

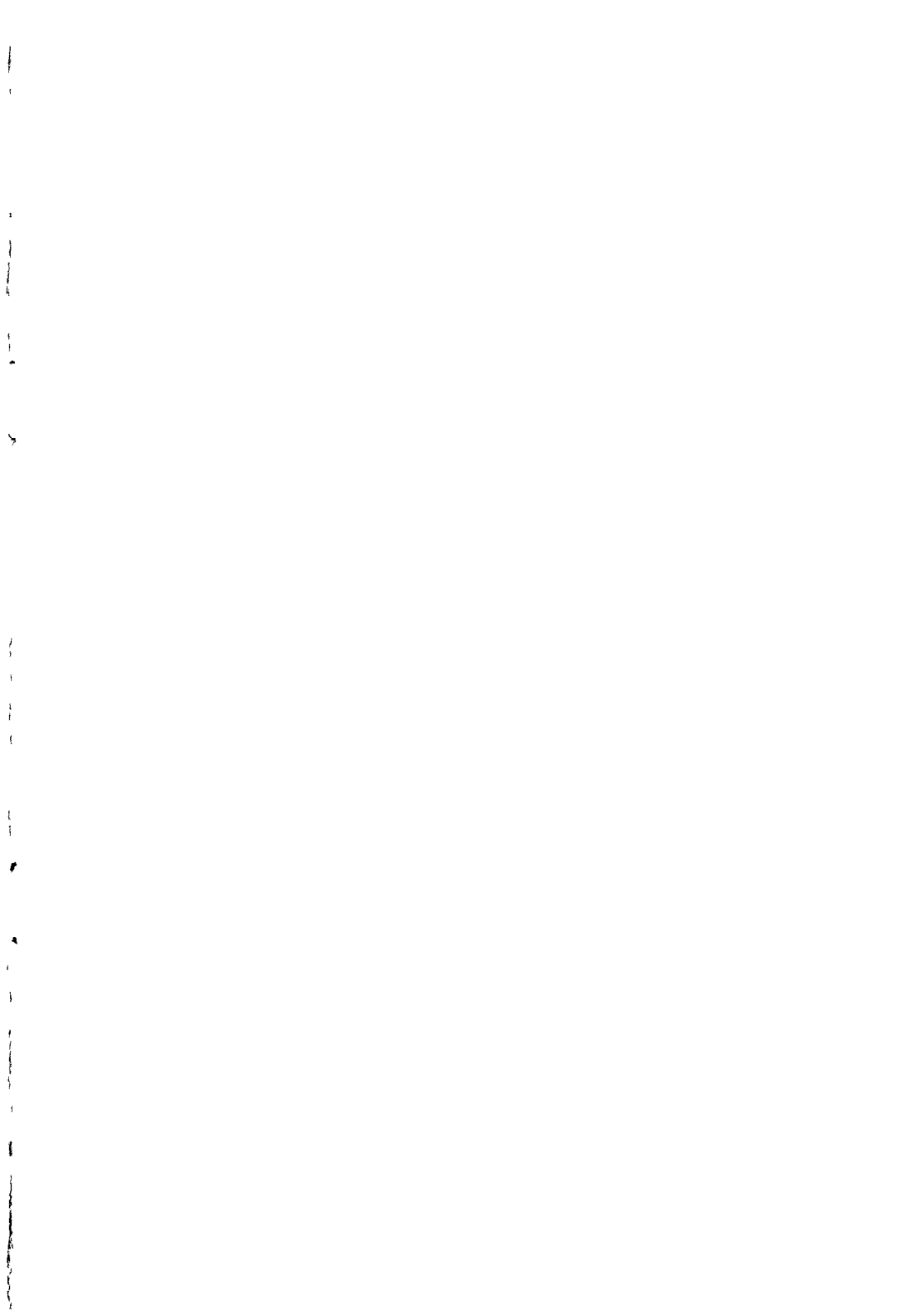
2. *Боченков В.В.* Национальный идеал в дилогии П.И. Мельникова-Печерского. – В кн. Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения. Межвузовский сборник научных трудов – Вып. 6 – М., Иркутск. – 2004. – С. 128 – 134. (0,5 п.л.).

3. *Боченков В.В.* Мельников Павел Иванович. – В кн. Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русская литература. – М.: Институт русской цивилизации. – 2004. – С.643 – 645. (0,4 п.л.).

4. *Боченков В.В.* Роль трагического и мотив «кающегося грешника» (П.И. Мельников-Печерский, И.И. Лажечников, А.В. Иванов, Ф.В. Ливанов). – В кн. Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения. Межвузовский сборник научных трудов – Вып. 9. – М., Иркутск. – 2004. – С. 152 – 157. (0,4 п.л.).

Для заметок

Отпечатано в копицентре «СТ ПРИНТ»
Москва, Ленинские горы, МГУ, 1 Гуманитарный корпус.
www.stprint.ru e-mail: zakaz@stprint.ru тел 939-3338
тираж 100 экз. Подписано в печать 07. 02. 2005 г.

№ - 2 4 0 1

РНБ Русский фонд

2005-4

48404